

«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ», ИЛИ ДИАГНОЗ БУДУЩЕГО В ПРОЗЕ ХХІ ВЕКА

Отсутствие у молодежи интереса к чтению, о котором мы не раз говорили на страницах журнала, сочетается с дефицитом книг на интересующие ее темы. Молодежь отказывается читать и одновременно сетует на отсутствие, например, школьной темы в литературе. Парадокс? Скорее, еще одна черта нашей культуры.

Произошедшая несколько лет назад и происходящая до сих пор «поттеризация всей страны» не отменила все же желания российских школьников читать не только о Гарри Поттере, но и о героях, более близких и понятных. Очень быстро появилась история Д. Емца о девочке Тани Гроттер, ученице школы Тибидохс, в которой она изучает магию под руководством Сарданапала Черноморова, Медузии Горгоновой, строгой, но справедливой преподавательницей нежитеведения; Поклеп Поклепыча, сурового завуча, и других. Несмотря на скандалы, связанные с плагиатом, уже вышло более десяти книг, привлекающих к себе читателей и близостью к русским народным сказкам, и деталями нашего русского школьного быта. Появление Тани Гроттер и других подобных героев-клонов свидетельствует о том, что современная литература для детей и юношества активно эксплуатирует и копирует штампы взрослых детективов и женских любовных романов. Детские детективные истории и романы для девочек часто издаются целыми сериями. Так, например, в «Детективном агентстве» Антона Иванова и Анны Устиновой¹ преступления расследует компания девятиклассников из московского двора, а герои литературного сериала «Тайны.Ru» школьники Тим и Леста изображают из себя героев «Секретных материалов» Малдера и Скалли². «Женский детектив на вырост» предлагает издательство «Азбука» в серии Дарьи Варденбург «Приключения Ульяны Караваевой». Главная героиня — озорная девочка-сыщица, с одной стороны, предельно точно соответствует новым литературным и социальным веяниям, а с другой — является литературным двойником Пеппи Длинный чулок. Издательство «АСТ» выпускает юмористический детективный сериал про девочку Эмму Мухину³, которая никого и ничего не боится, дружит с мальчишками и борется за справедливость.

Маркерами розового романа изобилуют романы для девочек⁴, рассказывающие о влюбленностях, дружбах, предательствах одноклассниц, романтических путешествиях, sms от таинственных незнакомцев и т. д. Известный филолог, специалист по творчеству М. Булгакова, **М. О. Чудакова**, назвав в одном интервью подобную детскую приключенческую литературу литературой, рассчитанной на «троечников, не любящих читать», попыталась сама эту ситуацию переломить, написав роман «**Дела и ужасы Жени Осинкиной**». Женья с друзьями спасает юношу Олега от пожизненного срока, который грозит ему за несовершеннолетнее убийство. Чтобы помочь другу, Женья из Москвы едет на родину Олега, в Сибирь. В течение пяти дней Осинкина знакомится с убогой российской провинцией, узнает правду о чеченской войне, о рэжете на сибирских дорогах, о коррумпированности милиции, о футболе, о ликвидации «врагов народа», холокосте, войне в Афганистане, вымогании взяток в медко-

миссии военкомата и т. д. Воспитать «читателя-отличника» Чудакова пытается, соединив приключенческую фабулу с размышлениями о глобальных исторических событиях, выдающихся личностях, об истории русской литературы и т. д. И все же многочисленные сыщики и сыщицы, юные волшебники и волшебницы, «маленькие женщины» с их тайнами не могут, да и не хотят отвечать на острые и больные вопросы сегодняшнего дня, на вопросы, не связанные с поисками кладов или раскрытием какой-нибудь тайны. Книг же, которые ставят острые проблемы современной школы, в которой все так не просто, пока мало, они не очень известны, но их появление в последнее время — важный знак перемен.

В репертуаре современной литературы оказался вытесненным на периферию жанр школьной повести с его особой поэтикой: реальность менялась настолько стремительно, что литература за ней просто не успевала. Классика — В. Драгунский, Е. Носов, А. Алексин, В. Тендряков, которых читали родители нынешних подростков, — во многом устарела. Репутация бунтаря, ведущего многолетний поединок со «шкрабами» остается у В. Крапивина, главный герой которого то «рыцарь без страха и упрека», то чудак-идеалист, то романтик («Валькины друзья и паруса», «Мальчик со шпагой», «Колыбельная для брата», «Журавленок и молнии», «Острова и капитаны» и др.). Но критики единодушны в том, что, отказавшись от банальностей и тенденциозности «школьной» литературы 60-х и 70-х, писатель сам не заметил, как во многом стал возвращаться к схемам 30-х и 40-х, когда переходящим из книги в книгу героем приключенческой и научно-фантастической литературы был «сверхмальчик», выигрывающий поединок со взрослыми-предателями. Крапивин, великолепно понимая, что время не может не вмешиваться в судьбы и характеры подрастающих мальчишек, предпочитает не замечать этого вмешательства. В то же время нельзя не согласиться со словами члена литературного совета премии детской литературы «Заветная мечта» К. Молдавской: «Ребенок хочет найти в книжке не только приключения, но и подсказки, ответы на свои вопросы. Ассоциации со своей реальной жизнью, выход за пределы собственной личности. Это важный психологический и нравственный опыт». Сегодня изредка появляются современные истории о Тимурах и их командах. Так, например, *Ренат Янышев* в своей повести «*Сражение в Интернете*» рассказывает о компании ребят из большого питерского двора, которая борется с бизнесменом, купившим квартиру в их доме и рассчитывающим превратить двор в элитный кондоминиум «для своих». В рассказе *Тварка Мэна* (иронический псевдоним челябинского автора Владимира Белоглазкина) «*Козел*» мальчишки, используя флэш-моб (вывешивают на шоссе огромный плакат «Сотрудник ДПС Сопильняк А. Ю.! Вы хам! Я требую от вас извинений!»), заставляют извиниться зарвавшегося гаишника, оскорбившего отца одного из них.

«Мы сами, наверное, виноваты в том, что происходит с неоперившейся юной частью общества. <...> Нельзя благодушеествовать, надеясь, что ничего страшного не происходит: сейчас они жестокие, бессердечные, высокомерные, а подрастут — исправятся, мы их исправим. Не исправим. Исправлять трудно...»⁵, — писал Ч. Айтматов 20 лет назад. За это время выросло целое поколение, а боль этих слов и сегодня ощущается многими. «В нашем обществе нарастает фашизм, пропагандируется насилие по телевидению. Все нельзя победить сразу, но надо ему противостоять», — именно в этом видит задачу своего проекта «*Другой, другие о других*» *Л. Улицкая*, доказывая необходимость воспитывать толерантность с детства. Книги этой удивительной серии («Большой взрыв и черепахи» Анастасии Гостевой, «Ленты, кружева, ботинки...» Раисы Кирсановой, «Семья у нас и у других» Веры Тименчик, «Путешествии по чужим столам» Александры Григорьевой) посвящены происхождению мира и семьи, культуре трапез народов мира, национальным одеждам. Проблема толерантности волнует и петербургского писателя *В. Воскобойникова*, в повести которого «*Все будет в порядке*» старшие объясняют младшим, почему еврей и чеченец не хуже египтянина и русского.

В этом же ряду, безусловно, стоит повесть *Екатерины Мурашевой «Класс коррекции»*, книга, вызвавшая массу дискуссий и споров еще в рукописи, книга, получившая престижную премию в области детской литературы «Заветная мечта», книга, поражающая своей безжалостной правдой и удивительной искренностью. *«Дети, сегодня я прошу вас вспомнить о таком понятии, как милосердие! В ответ на эту просьбу половина нашего класса “Е” весело заржала. Другая половина, та, у которой сохранились мозги, насторожилась. И было отчего. Я думаю, что в тот день это самое слово — “милосердие” — прозвучало в стенах нашего класса впервые за все семь лет, которые мы провели в школе. Почему? Так уж получилось. Не говорят в нашем классе такими словами. Отчего же теперь? Клавдия, наша классная руководительница, переминалась с ноги на ногу, ломала пальцы и закатывала глаза. Если бы Клавдия была лет на двадцать моложе, то, наверное, в этот момент напомнила бы нам (тем, кто способен мыслить сравнениями) героиню Тургенева. Такого с ней на моей памяти тоже не случалось — обычно, заходя в класс, она сразу начинала истошно орать, и ни на какие романтические сравнения ее образ не напрашивался. Глядя на переминающуюся Клавдию, я сразу подумал о том, что наш класс решили расформировать прямо сейчас, не дожидаясь конца года. Все учителя нас давно этим пугали, и вот наконец свершилось. Но только при чем тут милосердие?»*, — так начинается история, которая произошла с 7 «Е» и которую рассказывает Антон, один из учеников этого школьного «Гарлема». Эта повесть о том, о чем в школах молчат, о чем никогда не прочитаешь в отчетах методических объединений и педагогических советов, эта повесть о правде современной школьной жизни, жестокой и беспросветной, где слово «милосердие» в активный словарь не входит, где дети вынуждены придумывать себе другой, светлый, добрый и справедливый мир, и жить в нем, а значит — умирать в этом. *«Наша школа — огромная, в ней триста учителей и полторы тысячи учеников. Стоит она на пустыре посреди новостроек и вся напоминает чью-то (забыл, чью) мечту: все здание из стекла и бетона, огромные окна от пола до потолка, на полах — блестящий желтый линолеум цвета свежего детского поноса, на стенах — написанные маслом картины счастливого детства. В классах много цветов с большими кожистыми листьями, в глазированных горшках. Не знаю, как они называются, но один ботаник из старшего класса как-то объяснил мне, что эти цветы растут в каких-то американских пустынях, где больше вообще ничего не растет. Теперь я понимаю, почему они у нас в школе выжили и все заполнили. Первые два класса в каждой параллели — “А” и “Б” — у нас гимназические. У них лучшие учителя, три иностранных языка, а кроме того, им преподают всякие важные и нужные предметы — вроде риторики и истории искусства. “Ашки” покруче, чем “бешки”, там больше зубрилок и детей спонсоров. Классы “В” и “Г” — нормальные. Там учатся те, у кого все более-менее тип-топ и в голове, и в семьях. В “В” — скорее более, в “Г” — менее. Мы — класс “Е”. Можете себе представить. И это при том, что всех откровенных дебилов нашего района сливают в 371-ю школу. Там — классы по 10 человек и особые программы. Выхода оттуда нет никакого — только на улицу или в интернат для хроников. Впрочем, у нашего “класса коррекции” перспективы тоже далеко не блестящие». Школа как макромир показана Екатериной Мурашевой, практикующим семейным и школьным психологом, с предельной откровенностью. Страшным и больным становится мир взрослых, а не мир по-настоящему больных детей. Клавдия Николаевна, классная руководительница 7 «Е», внушает молодому учителю географии, единственному, который встал на сторону ребят: *«Школа — всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения “на классы” всего нашего мира? Бедные и богатые. Удачливые и неудачники. Умные и глупые... Школа не может изменить мир, который существует за ее пределами <...>. Мы разработали для класса коррекции особые программы, учителя преподают там в условиях, приближенных к боевым <...>, мы научили их читать, писать и**

считать, но поймите, мы не можем изменить их судьбу!». Изменять свою судьбу приходится самим ребятам. Настоящим нравственным испытанием для класса коррекции, где собрались и дети алкоголиков, и больные, и запущенные, и изуродованные семейными ссорами, и просто трудновоспитуемые, стал приход (вернее — приезд на инвалидной коляске) новенького, мальчика с диагнозом ДЦП. Мальчик из интеллигентной и любящей семьи (чуть ли не единственный в классе), умный и ироничный, все время подтрунивающий над собой и своим недугом. Юра не только объединяет 7 «Е» — он, как лакмусовая бумажка, неожиданно проявляет в ребятах доселе не востребованное: умение терпеть и защищать, заботиться и сопереживать, думать и мечтать. Юра обладает особым даром — уходить от страданий и безысходности в параллельный мир, где сбываются все желания. Мир «вечной весны», где есть земляничная поляна и придорожный кабачок «Три ковбоя», город с фонтанами и замок принцессы, мир, где можно обойтись без коляски и костылей и куда Юра организует «экскурсии» для своих одноклассников. И все же повесть — оптимистическое произведение, оптимистическое вопреки. Класс коррекции и существует вопреки всему — школьным порядкам, жестокости, болезням, нищете. Ребята сами познают значения слов «милосердие», «доброта», «дружба». Вывод из этой светлой повести с грустным финалом один — коррекция срочно необходима нашему обществу, всем нам.

Повесть Е. Мурашевой абсолютно лишена педагогического морализаторства во многом потому, что история «класса коррекции» рассказывается от первого лица, от лица ученика. Законы школьного мира воспринимаются глазами ребенка и, возможно, от этого становятся еще более страшными и непонятными. Этот прием использует и А. Геласимов, писатель, с творчеством которого связывают надежды русской литературы. Известность пришла к **Андрею Геласимову** благодаря Интернету, его рассказ *«Нежный возраст»*, построенный в форме дневника подростка, который находится в том самом нежном возрасте, в 2001 г. получил одну из премий электронных литературных сайтов, а потом был опубликован в журнале «Октябрь». Протест и бунт автора дневника (*«Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассники. Гидроцефалы. Фракийские племена. Буйный расцвет дебилизма»*) сочетается с удивительной сентиментальностью и нежностью, что позволило говорить о появлении в современной прозе «неосентиментализма». Герой повести *«Фокс Малдер похож на свинью»* тоже современный подросток. Интересно, что название никоим образом не связано с ее содержанием. Просто писатель однажды услышал из уст своей дочери эту фразу. Она воскликнула ее, увидев неудачное фото своего любимого героя Фокса Малдера из популярного сериала «Секретные материалы». Фраза так понравилась Геласимову, что он решил озаглавить ею свое очередное произведение. Главный герой, Саша, попав в новую школу, сразу ощущает себя чужим: *«Самое противное — это уменьшительный суффикс в определении “новенький”. “Еньк” — звучит просто похабно. Попробуй повторить его раза три. Что получилось? Применительно к вещам он ведет себя довольно прилично — чувствуется гордость владельца. Некоторый шик с элементами понятной радости. Новенький видеомagneтофон. Новенький автомобиль. Новенький сотовый телефон. Слышно как суффикс честно выполняет свою работу. Но ему для этого требуется существительное. Собственно сам предмет. Тогда его еще можно вынести. В школе совсем другая история. Слово “новенький” идет само по себе. Без существительного. Ежу понятно, что тут имеется в виду. Никому не нужный человек, который не знает, как себя вести, с кем разговаривать, куда садиться, который самому себе противен. Спасибо, дорогие родители. Да еще и новая школа одна чего стóит»*.

Саша сочиняет роман, поэтому его размышления о школе, о друзьях, о жизни вообще столь литературны. Он постоянно ставит себе вопросы, а в поиске ответа раскладывает мысли, предложения, слова, звуки на составляющие: *«К кому идти, если в голове одни от-*

веты? На всех уровнях морфологии. Например, имя существительное — небо, трава, дети, вино, птицы, ветер. Хоть в единственном числе, хоть во множественном. И род какой хочешь: небо — оно мое, дети — они мои, трава — она тоже моя, и ветер мой тоже. Чего тут непонятного? Никаких вопросов. Все ясно. Потом имя прилагательное — дети какие? Смешные. У них толстые щеки и круглые глаза. Небо какое? Красивое. Трава какая? Зеленая. Если разжевать, во рту остается запах. Вино какое? Хорошее. Но надо уметь выбирать. На то, чтобы научиться, уходят годы. Наконец — глагол. Чем занимаются на траве? Пусть каждый ответит для себя сам. Что делать с детьми? Ничего. Они уже сами все знают. ... Глаголы нужно подчеркивать двумя линиями. Но это уже синтаксис, а не морфология. В школе по этому поводу было много вопросов».

Саша невольно оказывается втянут в запутанную историю, он случайно узнает о любви молоденькой учительницы истории и его одноклассника Антона. Эти отношения, тайна которых охраняется от учеников и учителей, все же становятся причиной интриг, слез, предательств, конфликтов и, в конечном счете, трагедии. И Саша понимает, что жизнь — это не красивый готовый текст, а живой, становящийся, рождающийся диалог, который необходимо уметь выстраивать. Герой понимает, что судьба свела вместе под одной крышей учеников и несчастных, мечтающих о своем женском счастье учительниц. Эта связка, столь случайная, казалось бы, определяет маршруты будущей жизни. «Почему попадаешь именно в эту школу? А почему карта оказывается именно в этой колоде? Потому что их напечатали вместе. Колода карт — а в ней одна какая-то карта. Так задумано. Кем? Это самая большая тайна. Ты появляешься на свет, кричишь, писаешь под себя, а потом приходишь в школу к учителям, которые были для тебя предназначены. Кем? Я уже пытался ответить на этот вопрос. Если не веришь, см. выше. Точно так же, как и ты был для них предназначен. В этой шайке без тебя смысла не больше, чем в колоде карт без восьмерки пик. ... Ты с ними в одном пасьянсе».

Выморочная, извращенная средствами массовой информации жизнь ребенка становится одной из главных тем прозы Елены Долгопят. «В детстве у Сережи был набор пластмассовых кубиков, чуть-чуть пропускавших свет, легких и полых. Он строил город и представлял, что в кубиках живут люди, как в тюрьме. Пожизненное заключение. Но если сделать в кубике дырочку, люди мгновенно погибнут», — начинается рассказ «Путь домой». Название рассказа символично: все герои Долгопят пытаются вернуться куда-то, все путешествуют в поисках утраченного — прошлого? дома? счастья? семьи? Сережа, герой рассказа, говорит: «Игра эта — что-то вроде путешествия по фантастическим мирам в бесконечно разнообразной вселенной. Ты можешь путешествовать по мирам, которые предусмотрены программой, а можешь создавать собственные. Планета, условия жизни, персонажи. Все должно быть согласовано. При таких-то условиях возможны такие-то персонажи, а при таких-то — невозможны. Вопрос согласования — это самый большой вопрос, тут надо и в физике разбираться, и в биологии, и в анатомии, и даже в геологии. Я все это время занят созданием мира, где черные яблони, где ты ждешь меня из школы, а я сижу с тетей Таней и болтаю о детективах... В общем, мое чудесное прошлое. И этот вымысел здорово меня затягивает...» Но пути домой герой так и не находит, потому что дома нет. Есть только копия без оригинала, об отсутствии которого бесполезно жалеть, как нельзя тосковать по умершему, никогда не бывшему в живых. В рассказе «**Два сюжета в жанре мелодрамы**» Е. Долгопят снимается рекламный ролик кондитерской продукции: «Женица, мальчик и мужчина пьют чай с тортом. Обстановка — мирная. Лампа над столом излучает мягкий, теплый свет. Чай дымит в белых тонких чашках. Женица подает мальчику кусок торта на серебряной лопаточке. Все трое вдруг улыбаются друг другу, как заговорщики, будто бы они тут одни и никто их не видит». Мастерство оператора и точность подбора «лиц» для этой рекламы определили ее невероятный

успех: *«Была задумана реклама торта, а вышла реклама семейной жизни. Очевидно, что мальчик, мужчина и женщина любят друг друга, что им хорошо вместе, что этот дом с чашками, мирным светом, воздухом — дело их рук, что без них, без любого из них, мир рухнет, что они — триединство, троеначалие, необходимое и достаточное условие существования друг друга... Любой видевиший эту рекламу оставался под впечатление семейного уюта и взаимной любви, объединяющей этих троих персонажей»*. Иллюзорность киношного мира, абсолютное несовпадение с реальностью становится причиной трагедии. В рекламе должен был сниматься племянник режиссера, который в самый последний момент категорически отказался. Редактору пришлось срочно искать героя просто на улице. Подходящим «лицом» оказался Коля, мальчик из малообеспеченной семьи, в которой царило одиночество, нищета, нелюбовь и равнодушие. Поэтому короткая съемка в ролике про «счастливую семейную жизнь» перевернуло внутренний мир мальчика. Его главной целью стало воплощение этой иллюзии в жизнь. Коля — представитель нового поколения, воспитанного на компьютерных «стрелялках» и кровавых триллерах, идеалом которого стал Данила Багров, герой фильма «Брат», добивающийся своей цели хладнокровно и настойчиво. Коля сначала заселяется (путем уговоров, слез, заискивания, угроз и ночевки на холодной лестничной площадке) в холостяцкую квартиру Дмитрия Васильевича, игравшего в ролике, и пытается создать «семейную идиллическую атмосферу с запахом сдобных булочек», а потом просто, как будто нажимая на компьютерную мышку, убивает мужа и двоих детей Наташи, расчищая место для «рекламной семьи». После этого он стал заходить, готовить, разговаривать с онемевшей от горя женщиной и как-то привел к ней Дмитрия Васильевича. А *«через полгода примерно они обменяли обе квартиры на трехкомнатную и съехались жить вместе. Больше всего мальчик любил вечера на кухне под лампой из зеленого стекла. Лампу он сам выбирал в магазине “Свет”»*. Страшный в своей лаконичности и кинематографической точности рассказ Е. Долгопят прекрасно иллюстрирует те процессы, которые происходят сегодня в массовом сознании. По мнению писателя М. Харитоновой, «киношная» версия жизни именно в силу своей документальной, фотографической правдоподобности может подменить жизнь реальную: *«Уже существует киношная война и киношная революция, киношные преступники и герои, киношные деревни и стройки, киношная любовь, киношная эстетика и идеология. В массовом сознании эта подмена едва ли не полная»*.

Внимание к школьной теме обнаруживается в творчестве пермского писателя **Алексея Иванова**, вызывающего большой интерес читателей и критиков. Для бывшего учителя истории, знающего школу изнутри, эта тема стала в какой-то степени лейтмотивной. Образ школы как своеобразной метафоры обнаруживается и в романе «Географ глобус пропил», и в «Общаге-на-крови», и в «Блуда и МУДО». Главный герой романа **«Географ глобус пропил»** Витя Служкин, вернувшись в свой родной город после окончания биофака, устраивается в школу преподавать не биологию, а географию (а почему нет, если только это место свободно?). Вакансия закрыта, администрация школы довольна, одна лишь завуч Роза Борисовна, прозванная учениками Угрозой, с пристрастием спрашивает: *«Виктор Сергеевич, — губы ее брезгливо вздрогнули, — что такое работа учителя? Вы имеете понятие о психологии подростка? Вы сможете составить себе программу и планы индивидуальной работы? Вы умеете пользоваться методическими пособиями? Вы вообще представляете себе, что такое школа?..»* Служкин же ненавидит школу как общественный институт, прежде всего потому, что он так и остался вечным учеником, несмотря на возраст, семью, маленькую дочку. На уроках он уныло пересказывает скучный учебник, чувствуя себя не учителем, а его временным заместителем. Девятиклассники же — «отцы», «зондеркоманда», «красная профессура», как называет их Служкин, ждут от учителя решительности, постоянно проверяя его на прочность. А Служкину ничего не стоит сплести

фантастическую историю про свою школьную любовь или прямо на уроке сыграть в карты «на интерес» с доставшими его двоечниками-девятиклассниками, выпить с учениками или сводить их в серьезный поход по Каме. И тем не менее парадокс и притягательность этого «литературного брата» Венечки Ерофеева заключается в том, он ведет кропотливую работу, чтобы изменить отношение школьников к жизни, чтобы из «красной профессуры» и «зондеркоманды» вышли личности. Служкин свою миссию видит в следующем: «Я — вопрос, на который каждый из них должен ответить». Герой сам постоянно находится в поиске и смысла жизни, и своей любви, и нравственного стержня в себе и в окружающем мире: *«Я хочу жить, как святой: это когда ты никому не являешься залогом счастья, и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей, и люди тебя любили. <... > Я знаю, что научить ничему нельзя. Можно стать примером, и тогда те, кому надо, научатся сами, подражая. Однако подражать мне не советуую»*. Служкин, делая в какой-то степени учеников залогом собственного нравственного спасения, отправляется с ними в тяжелейший и опасный поход не для того, чтобы им открыть новые горизонты, а для того чтобы решить свои собственные проблемы: *«Воз слепого бессилия, который я волок по улицам города от дома к школе и от школы к дому, застрянет в грязи немощеной дороги за городской заставой. Река Ледяная спасет меня. Вынесет меня, как лодку, из моей судьбы»*. «Задумывал я его как проповедника, может быть, даже как библейского пророка, — правда, обесцвеченного современным бытом, — у которого главное дело в жизни — служение истине, как он ее смог понять. Поэтому он и Служкин», — раскрывает свою задачу писатель. Эта «обесцвеченность современным бытом», уродующая героя, показана в романе со стереоскопической точностью. Служкина, конечно же, увольняют, и праздник последнего звонка он наблюдает из-за школьного забора: *«Ему был виден весь ряд девятиклассников. Он различил и Машу — такую красивую в бантах, — и Люську, и ехидного Старкова, и Скачкова, спавшего в чемодане, и всю красную профессуру, и рыжего Градусова с его присными, и двоечников Безматерных и Безденежных, и отцов — Бормана, Чебыкина, Овечкина, Тютина, Демона, и всех, кто целый год мотал ему нервы, бездельничал и пакостил, или зубрил и терзал вопросами, или болтал с соседями, не обращая внимания на Географа»*.

Герой, близкий по духу Служкину, появился и в последнем романе Иванова «Блуда и МУДО». Это провинциальный художник и милый плейбой Моржов, который грубости современного мира противопоставляет собственную грубоватость и циничность. «Блуда» на городском жаргоне означает «неприятность». «МУДО» — «муниципальное учреждение дополнительного образования», по-старому дом пионеров. Там и работает Моржов, которого значительно больше интересуют воспитательницы, нежели пионеры. А. Иванов на презентации своего романа сказал журналистам: «В этой книге я объясняю, почему у нас в стране все устроено таким образом, а не иначе, я рассказываю о новом типе мышления, сформировавшемся в нашем обществе». Герой романа Моржов дает этому новому типу мышления название: *«Он знал выражение “клиповое мышление”. Выражение было неверным. Мышление — это логика, процесс. А процесс не может существовать разорванными вспышками, как железная дорога не может существовать только в виде мостов через реки. Клиповым может быть лишь видение мира, а не мышление. Мышление — пиксельное: механическое сложение картины мира из кусочков элементарного смысла»*. Автор обнаруживает это пиксельное мышление не только у замотанных педагогов, не только у неуправляемых детей, но, прежде всего, у чиновников от образования, ведь именно с их выступления на педсовете и начинается эта современная история о «мертвых душах». Критики сразу отметили, что роман представляет собой редкий случай едкой педагогической сатиры. Доказывая, что *«наше время — рыночное, а система образования — такой же сегмент рынка, как и все прочее»*, чиновник Манжетов обрадовал всех присутствующую

щих новостью: «С будущего учебного года финансирование учреждений образования будет осуществляться по подушевому принципу. Сколько у вас детей — столько денег и будет выделено. <...> Что поделаться — рынок, конкуренция. Думаю, вам самое место именно на переднем крае педагогической реформы. Наступающее лето необходимо сделать временем накопления опыта, чтобы с осени вводить новый порядок по всему городу. Я думаю, для этого лета вашим девизом должны стать слова “инновации”, “модернизация” и “оптимизация”». В связи с готовящимися переменами учреждение дополнительного образования собираются переделать в Антикризисный центр, преданных делу преподавателей выгнать, а детский лагерь отдать спонсорам — железной дороге. Педагоги МУДО спешно собирают детей, но их число слишком невелико, потому для отчетности Моржов, этакий Чичиков XXI в., собирает по школам сертификаты, используя свои связи, прежде всего, с женщинами. Имитируя для приехавшей комиссии активную и насыщенную жизнь лагеря, Моржов и три молодые учительницы ставят целый спектакль, заявив в итоге: «Всем спасибо за лицемерие». Назло всем реформам *«МУДО, подобно битой посуде, живущей два века, продолжило свое безуспешное процветание под бодрым руководством Шкиляевой, неувядающей хризантемы народного образования»*.

Произведения, представленные в этом обзоре, сложно назвать «школьной повестью». Очевидно, что школьная повесть сегодня изменяется, трансформируется, обращается к значительно более широкому, чем прежде, кругу читателей. «У нас школьная беллетристика пребывает в летаргическом состоянии. Времена меняются — вместе с ними должна меняться и литература. Однако школьная повесть не изменилась, а скорее испарилась из литературного обихода. Почему? Период подросткового взросления перестал быть значимым и потому не попадает в фокус литературы. Если социальное государство позволяет продлить эту “пору юности”, то в странах третьего мира ребенок вынужден взрослеть резко и сразу. Из состояния А в состояние Б, без лишних рефлексий и мерихлюндий, так и не побывав “юношей, обдумывающим житье”. Стоит ли говорить, что на качестве взрослости это сказывается тоже не лучшим образом?»⁶ — пишет критик Е. Белжеларский, и с его словами трудно не согласиться. Однако, как было показано в этой статье, интерес писателей к проблемам современной школы очевиден. Свидетельством этому является и то, что лауреатами литературной премии имени Юрия Казакова⁷ 2007 г. стали рассказы *Захара Прилепина «Грех»* и *Льва Усыскина «Длинный день после детства»*, в которых тонко и психологически точно воссоздается душевный мир юного человека, познающего окружающий мир, переживающего первую любовь, получающего настоящие уроки жизни от своих учителей. Этот выбор жюри — оценка не только качественной прозы, но и актуальности темы, помогающей читателю ориентироваться в «диких дебрях средней школы»⁸.

Примечания

1. Иванов А., Устинова А. Тайна старого кладбища. М., 2007.
2. Братья Шарк. Диадема «Млечный Путь». М., 2007.
3. Роньшин В. Эмма Мухина, или Разгадка одного похищения. М., 2007.
4. Нестерина Е. Большая книга романов о любви для девочек. М., 2007; Усачева Е. Принцесса на белом коне. М., 2007; Воробей Т. Сероглазый король. М., 2007 и др.
5. Айтматов Ч. Цена — жизнь // Лит. газета. 1986. 13 августа.
6. Белжеларский Е. Кто смолоду был молод // Итоги № 52 от 24.12.2007.
7. Премия за лучший рассказ года.
8. Так иронически называется одно из произведений Г. Остера.